

JAK_MARRITEN

БЕЛЫЙ ШУМ

В КОТСУОЛЬДСЕ

«ДОМА ХРАНЯТ СЕКРЕТЫ, КОТОРЫЕ
ЛЮДИ ДАВНО ЗАБЫЛИ».

18+

Jak Marriten

Белый шум в Котсуольдсе

«Автор»

2026

Marriten J.

Белый шум в Котсуольдсе / J. Marriten — «Автор», 2026

Старший инспектор Элистер Хардвик расследует убийства в тишине. Его метод — белый шум в наушниках, помогающий думать. Его новое дело — смерть сэра Реджинальда Блэквуда, найденного в костюме семейного призрака в собственном поместье Дарквуд-Мэнор. Здесь, среди котсуолдских холмов, за фасадом аристократического благополучия кипит ненависть. Вдова сжигает дневники мужа. Старший сын тайно продаёт картины, чтобы сбежать. Младший записывает исповедь отца-чудовища. Дочь взламывает сейф в поисках тайны своего рождения. У каждого — мотив, у каждого — алиби, и каждый лжёт. Но главный удар ждёт Хардвика, когда среди бумаг убитого он находит записку от своей жены, журналистки Лоры Хейз, погибшей четыре года назад при загадочных обстоятельствах. Когда убийство кажется раскрытым, а все признания — полученными, одна незамеченная деталь переворачивает всё. Справедливость и месть сплетаются в тугую узел, и Хардвику предстоит решить, что важнее: закон или правда.

© Marriten J., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дождь над Дарквудом	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Jak Marriten

Белый шум в Котсуольдсе

Глава 1. Дождь над Дарквудом

За три дня до того, как старший инспектор Элистер Хардвик впервые увидел Дарквуд-Мэнор, в Лондоне шёл дождь. Он шёл уже вторую неделю — мелкий, серый, безнадёжный, — превращая улицы в зеркала, а настроение горожан в нечто сродни клинической депрессии.

Хардвик сидел в своём кабинете на третьем этаже Скотланд-Ярда и смотрел на мокрые крыши. На столе перед ним лежали разложенные в идеальном порядке папки — четыре дела, которые он вёл одновременно, и ни одно из них не вызывало у него ничего, кроме глухой тоски.

Кража со взломом в Брикстоне: двое подростков, которым не хватило ума даже на то, чтобы надеть перчатки, и их отпечатки пальцев нашли на каждом дверном косяке. Мошенничество в страховой компании: клерк, который подделывал подписи и переводил деньги на счёт в офшоре, даже не потрудившись замести следы. Пропавший без вести подросток — вот это дело ещё держало его, потому что каждая минута промедления уменьшала шансы найти ребёнка живым, но и оно зашло в тупик.

И, наконец, убийство на почве ревности в Челси — банальное, как дождливый вторник, преступление, где муж даже не пытался отрицать, что ударил жену ножом после того, как она сказала, что уходит. Восемь ударов. Восемь.

Хардвик взял последнюю папку, раскрыл её и пробежал глазами по строчкам. Фотографии с места преступления: кровь на ковре, кровь на стенах, кровь на лице женщины, которой больше нет. Он закрыл папку и отбросил её в сторону. Ему не нужны были дедуктивные способности, чтобы раскрыть это дело. Ему нужно было только одно — терпение. Терпение, чтобы сидеть в этой комнате, дышать этим воздухом, день за днём делать то, что он делал уже двадцать лет.

Он снял очки и потёр переносицу. Этот жест стал привычным за последние годы — годы, которые состарили его быстрее, чем ему хотелось бы. Ему было сорок девять, но выглядел он старше: глубокие морщины вокруг глаз, седина, пробивающаяся на висках, и та особая сутулость, которая появляется у людей, привыкших склоняться над бумагами. Он помнил себя другим: молодым, амбициозным, полным веры в то, что справедливость существует и что он может служить ей. Теперь эта вера истончилась, как старая ткань, но ещё держалась.

Где-то в коридоре зазвонил телефон, и эхо прокатилось по пустому зданию. Хардвик не обратил внимания.

Он думал о Лоре.

Это случалось всё чаще в последнее время — неожиданные, как удар под дых, воспоминания, которые накатывали без предупреждения. Сегодня это был запах её духов, который он почувствовал утром в метро, хотя знал, что этого не может быть. «Шанель №5». Она всегда покупала их в одном и том же магазине на Оксфорд-стрит, и запах держался на её шарфе неделями. Красный шарф. Он до сих пор хранил его в ящике стола — последнюю вещь, которую она носила перед смертью.

Четыре года. Четыре года, два месяца и одиннадцать дней прошло с того декабрьского вечера, когда полицейский постучал в его дверь. Хардвик помнил каждую минуту того вечера: как он открыл дверь, как увидел лицо констебля — молодого, взволнованного, ещё не привыкшего сообщать людям о смерти их близких, — как выслушал короткий, сбивчивый доклад об автокатастрофе на трассе М4. Лора возвращалась из командировки.

Она расследовала что-то, связанное с благотворительными фондами, и была в приподнятом настроении — сказала по телефону, что нашла «нечто грандиозное». А через три дня её машина врезалась в дерево на скорости восемьдесят миль в час.

Следствие объявило это несчастным случаем. Дождь, мокрая дорога, потеря управления. Хардвик не поверил тогда и не верил сейчас. Он знал Лору — она была осторожным водителем, почти дотошным. Она никогда не превышала скорость. Она всегда проверяла ремни безопасности. Она всегда возвращалась домой.

Он пытался возобновить расследование, но дело закрыли слишком быстро, а связи, которые у него были в полиции, оказались бесполезны. Ему сказали: «Отпусти, Элистер. Это был несчастный случай». И он отпустил — во всяком случае, так казалось окружающим. Но внутри он продолжал искать. Каждую свободную минуту, каждый вечер после работы он просматривал старые газеты, отчёты, базы данных, пытаясь найти хоть какую-то зацепку. И ничего.

Лора была журналистом. Настоящим журналистом — из тех, что уже почти перевелись в эпоху блогов и фейковых новостей. Она работала в «Гардиан», вела колонку о благотворительности и социальных проектах, и её статьи не раз вызывали скандалы. Она умела задавать вопросы, которые никто не хотел слышать, и находить ответы, которые никто не хотел видеть. Когда они познакомились — это было на пресс-конференции, где Хардвик рассказывал о раскрытии сети наркоторговцев, — она подошла к нему после брифинга и спросила: «Вы правда верите, что посадили главного?» Он ответил: «Я верю, что посадил того, кого мог». Она улыбнулась и сказала: «Мне нравится ваша честность».

Через год они поженились. Свадьба была скромной — только несколько друзей и коллег. Лора настояла на том, чтобы церемония прошла в старом саду за городом, под дубом, который, по её словам, был старше Англии. Она стояла под этим дубом в красном шарфе — своём талисмানে — и смеялась, когда дождь начался прямо во время клятв. «Хорошая примета», — сказала она.

Теперь, глядя на серый лондонский дождь, Хардвик думал о том, что, возможно, уже никогда не найдёт ответа. И эта мысль была тяжелее всех нераскрытых дел вместе взятых. Он открыл ящик стола и достал красный шарф. Ткань была мягкой, но запах духов почти выветрился. Он поднёс шарф к лицу и закрыл глаза. На мгновение ему показалось, что он слышит её голос: «Ты правда веришь, что нашёл того, кого мог?»

Зазвонил телефон. Внутренняя линия. Хардвик вздохнул, убрал шарф обратно в ящик, надел очки и снял трубку.

— Элистер, — раздался голос главного констебля Грэма Уэзерби, — зайди ко мне. Есть дело.

— Какое?

— Не по телефону. Зайди.

Короткие гудки. Хардвик положил трубку и поднялся. Уэзерби никогда не вызывал его без причины, и фраза «не по телефону» означала только одно: дело деликатное. А деликатными делами в Скотланд-Ярде называли те, где замешаны деньги, власть и люди, которые предпочли бы остаться в тени.

Он прошёл по длинному коридору, мимо кабинетов, где другие детективы пили кофе и перебрасывались шутками. Некоторые из них были молоды и полны энтузиазма, как он когда-то. Другие — его ровесники — выглядели уставшими и циничными. Хардвик не относил себя ни к тем, ни к другим. Он был где-то посередине — там, где цинизм ещё не убил веру, но вера уже не была наивной.

Он поднялся на четвёртый этаж. Секретарша Уэзерби, миссис Хиггинс, встретила его кивком и жестом указала на дверь. Она работала здесь дольше, чем кто-либо, и, казалось, знала всё, что происходит в здании. Хардвик всегда подозревал, что именно она управляет министерством, а Уэзерби — лишь её пресс-секретарь.

Главный констебль сидел за своим столом — массивным, дубовым, заваленным бумагами. Это был крупный мужчина с красным лицом и седыми усами, похожий на отставного военного. Он жестом пригласил Хардвика сесть и сразу перешёл к делу.

— Слышал о Дарквуд-Мэнор?

— Поместье Блэквудов? — Хардвик сел и положил руки на колени. — Благотворительный фонд, экскурсии для туристов. Кажется, они занимаются помощью детям.

— Занимались. — Уэзерби пододвинул к нему тонкую папку. — Сегодня утром сэра Реджинальда Блэквуд найден мёртвым в собственном доме. В костюме призрака.

— В костюме призрака?

— У них там какая-то легенда. Серый Лорд или что-то в этом роде. Туристам нравится. Но сейчас не до легенд. Местная полиция уже там, но они просят помощи из Лондона. Дело деликатное — Блэквуды связаны с влиятельными людьми, спонсорами фонда, политиками. Я хочу, чтобы ты взял его на себя.

— Почему я?

— Потому что ты лучший, кто у нас есть, когда речь идёт о запутанных делах. И потому что ты не веришь в призраков.

Хардвик взял папку и раскрыл её. Внутри лежало несколько листов бумаги: краткий рапорт местного констебля, фотография поместья — старое тюдоровское здание из серого камня, — и список обитателей дома. Леди Диана Блэквуд, вдова. Эдвард Блэквуд, старший сын. Генри Блэквуд, младший сын. Изольда Уэллс, дочь. Эвелин Крофт, управляющая.

— Пять подозреваемых, — заметил он.

— Шесть, если считать горничную. Но она вряд ли. Старуха, работает в доме сорок лет.

— Сорок лет — достаточный срок, чтобы накопить мотивы.

Уэзерби усмехнулся.

— Вот поэтому я и даю это дело тебе. Ты видишь мотивы там, где другие видят только несчастный случай.

Хардвик закрыл папку и встал.

— Я выезжаю немедленно.

— Вот и отлично. Держи меня в курсе. И, Элистер... — Уэзерби замялся, — будь осторожен. Блэквуды — старая семья. У них длинные руки.

Хардвик кивнул и вышел из кабинета. Уже в коридоре он снова раскрыл папку и перечитал список подозреваемых. Что-то в этом деле беспокоило его, хотя он ещё не мог понять, что именно.

Он вернулся в свой кабинет, собрал вещи: блокнот, диктофон, фонарик, запасные батарейки, карту Котсуолдса. Затем запер ящик стола, где лежал красный шарф, и вышел на улицу. Дождь продолжался. Хардвик поднял воротник плаща и направился к парковке.

Дорога до Котсуолдса заняла почти три часа. Хардвик вёл машину молча, не включая радио, и мысли его текли медленно, как вода в Темзе. Он выехал из Лондона через западные пригороды, миновал Илинг и Слау, и вскоре городской пейзаж сменился зелёными холмами и полями, уходящими к горизонту. Дворники «Воксхолла» мотались в ритме, напоминавшем метроном.

Он думал о деле. Костюм призрака. Это было странно даже для английской глубинки, где эксцентричность считалась добродетелью. Кто-то не просто убил сэра Реджинальда — кто-то устроил спектакль. И это означало, что убийство не было спонтанным. Оно было спланировано, продумано до мелочей. Кто-то знал легенду о Сером Лорде. Кто-то знал распорядок дома. Кто-то имел доступ к витрине с оружием. Кто-то из своих.

Он вспомнил слова Уэзерби: «Блэквуды связаны с влиятельными людьми». Это могло означать что угодно — от финансовых махинаций до политического шантажа. Благотворительные фонды часто служили прикрытием для теневых операций, и Хардвик знал это лучше мно-

гих. Лора расследовала несколько таких фондов и однажды сказала ему: «Знаешь, что общего у всех филантропов? Они хотят, чтобы их любили. И готовы платить за это любую цену».

Лора. Она снова всплыла в его мыслях. Он попытался отогнать её образ, но безуспешно. За четыре года он так и не научился контролировать эти вторжения прошлого. Они приходили, когда хотели, и уходили, когда хотели, оставляя после себя пустоту и тихую, ноющую боль.

Когда он добрался до Котсуолдса, дождь усилился. Дворники не справлялись с потоком воды, и дорога впереди казалась размытым пятном. Хардвик сбавил скорость и прищурился, вглядываясь в серую пелену. Где-то там, за холмами, был Дарквуд-Мэнор. Он чувствовал его приближение почти физически — как холодок, пробегающий по спине.

Ворота появились внезапно — кованые, с гербом, проткнувшим серое небо. Хардвик затормозил и вышел из машины, чтобы открыть их. Дождь хлестал по лицу, и через минуту он промок насквозь.

Герб над воротами изображал дуб, корни которого уходили в человеческий череп. Под гербом вилась латинская надпись: «Radices in tenebris, rami in luce» — «Корни во тьме, ветви на свету».

Хардвик остановился и долго смотрел на герб. Обычно на гербах изображали львов, орлов, мечи и короны — символы силы и власти. Но здесь был дуб и череп. Жизнь, питающаяся смертью. Он записал девиз в блокнот. «Корни во тьме, ветви на свету». Интересно, кто из Блэквудов мог бы повторить эти слова сегодня?

Ворота со скрипом отворились, и он медленно проехал по дубовой аллее. Деревья стояли так плотно, словно охраняли страшную тайну. Их мокрые ветви, отяжелевшие от влаги, склонялись к самой земле. Аллея была длинной, почти в полмили. Гравий хрустел под колёсами, и этот звук — резкий, скрежещущий — диссонировал с мягким шумом дождя. По обеим сторонам тянулись газоны, когда-то, видимо, ухоженные, но теперь заросшие сорняками. Хардвик заметил остатки клумб и фонтан посреди лужайки — сухой, покрытый мхом.

И наконец, сам дом. Тюдоровский особняк с елизаветинскими пристройками, сложенный из котсуолдского камня — того самого, что веками впитывал туманы и дожди, пока не приобрёл цвет мокрого пепла. Хардвик остановил машину и долго смотрел на него, не выключая двигатель. Он знал толк в архитектуре — когда-то, в другой жизни, он собирался стать историком, и эта несостоявшаяся карьера до сих пор давала о себе знать вспышками почти неуместного восхищения перед старыми зданиями.

Дом был прекрасен и ужасен одновременно. Его фасад украшали высокие окна с частыми переплётами, массивные дымоходы и каменная резьба над парадным входом — сложный орнамент из дубовых листьев и желудей, переплетённых с человеческими фигурами. Но красота эта была подточена временем и запущенностью. Строительная лента, огибавшая западное крыло, выцвела и свисала клочьями. Трещина в каменной кладке над вторым этажом расплзалась, как шрам на старом лице. А водосточная труба изрыгала пар, который в сером свете дня казался дыханием невидимого зверя.

Хардвик заглушил двигатель и вышел из машины. Дождь ударил в лицо, холодный и колючий. Он поднял воротник плаща и направился к крыльцу.

У входа его встретил молодой констебль с прыщавым лицом и фамилией Патель на бейдже. Он нервно козырнул, когда Хардвик поднялся на ступени. Капли дождя стекали с козырька его форменной фуражки, и он поминутно смахивал их.

— Старший инспектор Хардвик, Скотланд-Ярд, — представился тот, предъявляя удостоверение. — Доложите обстановку, констебль.

— Патель, сэр. Анил Патель. — Он вытянулся. — Тело обнаружили в шесть сорок пять утра. Горничная, миссис Бриггс. Она приходит из деревни, начинает работу в половине седьмого. Сегодня ей понадобилось зайти в Комнату призраков — там накануне, во время послед-

ней экскурсии, оставили невытую фарфоровую чашку, и она хотела убрать до прихода посетителей. Увидела тело, закричала. Сбежались все, кто был в доме.

— Кто именно был в доме? — Хардвик достал блокнот, но записывать не стал.

— Леди Диана Блэквуд, вдова. Она находилась в своей спальне, в восточном крыле. Мистер Эдвард Блэквуд, старший сын, — тоже в своей спальне. Мистер Генри Блэквуд, младший сын, — в студии, это такая комната со звукоизоляцией, он там монтирует видео для своего блога. Мисс Изольда Уэллс, дочь, — она носит фамилию матери, но проживает в Лондоне, приехала погостить на выходные. И мисс Эвелин Крофт, управляющая. Больше никого. Прислуга у них приходящая: горничная, кухарка, садовник — все живут в деревне.

— Кто-нибудь покидал поместье после обнаружения тела?

— Никак нет, сэр. Я сразу выставил пост у ворот и приказал всем оставаться в доме. Местный сержант, — он кивнул на пожилого мужчину у дверей, — прибыл через двадцать минут после звонка и подтвердил мои распоряжения.

Хардвик кивнул.

— Вы были внутри?

— Так точно. Я осмотрел место преступления, но ничего не трогал. Тело находится в Комнате призраков, на втором этаже, восточное крыло. Дверь была открыта, когда горничная вошла. Следов взлома нет.

— Контекст, — произнёс Хардвик вслух, и Патель вздрогнул.

— Простите, сэр?

— Убийство — это не просто труп. Это мизансцена. Послание. То, как лежит тело, что вокруг него, что изменили, а что оставили нетронутым. Если мы поймём контекст, мы поймём убийцу. Но сначала скажите: что вы почувствовали, когда вошли туда? Не увидели — почувствовали.

Патель замялся, но, встретив пристальный взгляд Хардвика, решился:

— Мне стало... не по себе, сэр. Там было холодно. И пахло цветами, но как-то приторно. И ещё — тишина. Слишком тихо, несмотря на дождь. Я подумал, что это место не любит живых.

— Хорошо, — сказал Хардвик. — Ведите.

Они вошли в холл, и инспектор сразу ощутил перемену атмосферы. Пахло старым дубом, лимонным полиролем для мебели и ещё чем-то — едва уловимым, сладковатым, словно где-то в подвале начали гнить луковицы лилий. Под высоким сводчатым потолком гуляло эхо, многократно усиливавшее каждый шаг, каждое слово.

Со стен смотрели портреты — поколения Блэквудов. Мужчины в камзолах и париках, с лицами, на которых читалась уверенность в собственной исключительности. Дамы в кружевных воротниках, с бледной кожей и глазами, в которых застыла вековая скука. Хардвик скользнул по ним взглядом, не задерживаясь. Он отметил только одно: на всех портретах был фамильный перстень с изображением дуба и черепа.

— Семья ожидает в Гобеленовой гостиной, — сказал Патель, указывая на дверь слева, украшенную гобеленом с изображением охотничьей сцены.

— Пусть ждут, — ответил Хардвик. — Сначала — сцена.

Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Ступени были устланы ковровой дорожкой с вытертым узором. На повороте лестницы стояли рыцарские доспехи в натуральный рост. Они были покрыты тонким слоем пыли, и в пустых глазницах шлема поселился паук — его паутина серебрилась в тусклом свете.

Комната призраков находилась в конце длинной галереи. В конце коридора, перед дубовой дверью с табличкой «The Grey Lord Room — Комната Серого Лорда», стоял пожилой сержант — мужчина с обветренным лицом и усами. Он представился сержантом Уилкинсом и доложил:

— Труп не трогали, сэр. Только врач констатировал смерть. Кинжал в груди. И одет он... необычно.

Хардвик толкнул дверь и вошёл.

Первое, что он почувствовал, — холод. Комната не отапливалась, и температура здесь была градусов на десять ниже, чем в коридоре. Дыхание вырывалось изо рта лёгким паром. Второе — запах. Тот же сладковатый аромат, что и в холле, но здесь он был гуще, тяжелее, смешанный с металлическим запахом крови. Где-то в комнате были лилии, и их аромат казался насмешкой.

Он остановился на пороге и медленно обвёл комнату взглядом. Стены были задрапированы тёмно-серым бархатом, который поглощал свет.

Вдоль стен стояли витрины с «призрачным реквизитом»: старые фонари, игрушечные цепи, маски, несколько бутафорских кинжалов.

Одна витрина была открыта, и на бархатной подушечке внутри чего-то не хватало — вероятно, того самого кинжала, что торчал сейчас из груди жертвы.

В центре комнаты, на дубовом полу, лежал сэр Реджинальд Блэквуд. Хардвик подошёл ближе, стараясь ступать по краю. Тело лежало на спине, раскинув руки. Поза была неестественной — не такой, как у человека, который упал, потеряв сознание, а такой, словно кто-то специально развёл руки в стороны, придавая телу сходство с распятием. На жертве был серый бархатный плащ с капюшоном, отороченный фальшивым мехом. Капюшон съехал набок, открывая лицо, покрытое бледным гримом — белый, почти клоунский тон, на котором ярко выделялись алые пятна румян на щеках. Запястья были обмотаны игрушечными цепями из крашеного пенопласта.

Но кровь, пропитавшая серый бархат на груди и натекшая лужей на дубовый пол, была настоящей. И кинжал был настоящим — длинное, узкое лезвие с гравировкой уходило в грудь под углом примерно тридцать пять градусов. Глаза Блэквуда были открыты. В них не застыло ни ужаса, ни мольбы — только недоумение.

Хардвик присел на корточки, не касаясь тела, и начал записывать в блокнот.

«Костюм — надет добровольно? Или одели посмертно? Грим — профессиональный? Зачем? Цепи — бутафорские, не могли удерживать. Кинжал — настоящий, фамильный. Где бутафорский? Угол удара — странный, снизу вверх, супинация. Боролись?»

Он поднял глаза и осмотрел каминную полку. На ней стояли осколки фарфоровой чашки — тонкий костяной фарфор, расписанный вручную. Рядом с осколками лежали лепестки розы — свежие, ещё не увядшие, алые. Хардвик заметил, что лепестки были разбросаны не случайно, а словно выложены дорожкой, ведущей от двери к телу.

Он выпрямился и подошёл к напольным часам в углу. Маятник был неподвижен. Стрелки застыли на 6:43. Хардвик сверился со своими наручными часами — они показывали 8:15.

— Часы остановлены, — сказал он вслух.

— Так точно, сэр, — отозвался сержант Уилкинс от двери. — Это часть легенды. Когда Серый Лорд приходит за душой Блэквуда, часы в доме останавливаются сами собой. Туристам это нравится.

— Кому-то ещё это тоже понравилось, — пробормотал Хардвик. — Расскажите легенду. Вкратце.

Сержант откашлялся, явно польщённый.

— Легенда старая, сэр. Говорят, что в пятнадцатом веке некий лорд Блэквуд проиграл в карты всё своё состояние. Чтобы спасти дом, он заключил сделку с дьяволом, и дьявол подарил ему удачу, но взамен потребовал душу первого, кто родится в Дарквуде после сделки.

Лорд согласился, а на следующее утро узнал, что его жена беременна. Когда его сын вырос, он умер при загадочных обстоятельствах — говорят, часы в доме остановились сами

собой. С тех пор считается, что Серый Лорд — это дух того самого Гилберта, который обречён вечно скитаться по дому, останавливая часы всякий раз, когда умирает кто-то из Блэквудов.

— Красиво, — заметил Хардвик. — Особенно если учесть, что сэр Реджинальд был найден в костюме этого самого призрака. Кто-то хотел инсценировать легенду. Или переписать её.

Он вернулся к телу и ещё раз осмотрел рану. Записал в блокнот: «Угол удара — 35 градусов, супинация. Не профессиональный. Возможна самооборона или случайность».

Он обошёл тело и заметил на полу, в нескольких футах от правой руки убитого, маленький клочок ткани. **Рядом с ним, на ковре, виднелись влажные отпечатки — небольшие, женские, ведущие от двери к телу и обратно. Хардвик отметил их, но тогда не придавал значения, решив, что это следы горничной. Позже он поймёт, что ошибся.**

Хардвик наклонился и поднял клочок пинцетом. Это был кусочек зелёного твида — грубая шерстяная ткань, какие используют для охотничьих костюмов. Он убрал находку в пакетик для улик и сделал пометку в блокноте: «Зелёный твид. Чей? Проверить гардероб».

Затем он осторожно ощупал карманы плаща жертвы. В одном из карманов лежало что-то твёрдое. Хардвик достал перчатки, надел их и аккуратно извлёк замшевый мешочек — старый, потёртый, с вышитой монограммой «Р.Б.». Внутри мешочка обнаружили три предмета: старинный ключ, сложенный вчетверо листок бумаги и локон светлых волос, перевязанный выцветшей лентой.

Хардвик развернул листок. Это была записка, написанная торопливым женским почерком. Чернила выцвели, но слова ещё читались:

«Если вы хотите знать правду о том, что случилось с Эмили, позвоните мне. Я больше не могу молчать. Лора Х.»

У Хардвика перехватило дыхание. Лора Х. Его Лора. Его погибшая жена. Её почерк. Её фамилия до замужества — Хейз, но вторую букву девичьей фамилии можно было принять за инициал.

Он на мгновение задумался: зачем Реджинальд хранил при себе эту улику четыре года? Возможно, он просто не успел её уничтожить — или хотел, чтобы убийца нашёл её и понял, что его тайна раскрыта. Хардвик отбросил эту мысль, но она засела в голове.

Он перевернул записку. На обороте рукой Реджинальда было приписано: «Позвонил. Угрожает. Принять меры. — Р.Б.» И дата. За три дня до гибели Лоры.

Белый шум в голове Хардвика превратился в рёв. Он стоял неподвижно, глядя на листок, и перед его глазами проносились четыре года безответных вопросов. Четыре года, когда он искал убийцу жены, а тот, оказывается, всё это время прятался в поместье с туристическими экскурсиями и благотворительными фондами. Или не прятался? «Принять меры» — что это значит? Сам Реджинальд? Или кто-то из его окружения?

Он вспомнил всё, что знал о Лориной работе. Она расследовала благотворительные фонды, и последним её проектом был именно фонд «Дети Котсуолдса». Она говорила, что нашла там нечто грандиозное. «Нечто, что может потрясти весь благотворительный сектор», — сказала она по телефону за день до смерти. А через два дня её не стало.

Хардвик аккуратно убрал записку в пакет для улик, стараясь не повредить хрупкую бумагу, и спрятал её в карман плаща. Сержант и Патель не должны были этого видеть. Пока не должны.

Он выпрямился, поправил очки и в последний раз оглядел комнату. Сцена была готова: реквизит расставлен, актёры на местах. Теперь ему нужны были их показания.

— Контекст, — произнёс он едва слышно, ни к кому не обращаясь. — Дом, который притворяется музеем. Семья, которая притворяется благополучной. Труп, который притворяется призраком. И записка от мёртвой женщины. Здесь всё — маска.

Он вышел из комнаты и направился в Гобеленовую гостиную. Пора было увидеть тех, кто скрывался за этими масками.

Гобеленовая гостиная встретила его тишиной — той особенной, напряжённой тишиной, какая бывает в комнате, где только что говорили о чём-то важном и замолчали при появлении чужака. Хардвик переступил порог и почувствовал на себе пять пар глаз.

Леди Диана Блэквуд сидела в кресле у холодного камина, прямая, как церковный шпиль. Её серебряные волосы были уложены в безупречную причёску, а руки, сложенные на коленях, не дрожали. Но костяшки пальцев, сжимавших носовой платок, побелели от напряжения. На ней был серый шёлковый халат — очевидно, она не успела переодеться после того, как её разбудили известием о смерти мужа.

Рядом с ней, на диване, сидел мужчина лет сорока с лишним — Эдвард Блэквуд, старший сын. Он был сутул, плечи его были опущены, а руки, лежащие на коленях, заметно дрожали. На нём был зелёный твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях — тот самый материал, клочок которого лежал сейчас в пакетике для улик в кармане Хардвика. Эдвард избегал смотреть на него и уставился в пол.

У окна стоял молодой человек — Генри Блэквуд, младший сын. Ему было около тридцати, и он разительно отличался от брата: холёный, с идеальной укладкой, в дорогом кашемировом свитере. Он смотрел на инспектора с вызовом, но под этим вызовом угадывался страх — тот самый, который маскируется под агрессию. В его руке был мобильный телефон, палец завис над экраном.

В углу, отдельно от остальных, сидела Изольда Уэллс — дочь, носившая фамилию матери. Она была одета в деловой костюм тёмно-синего цвета, тёмные волосы стянуты в тугий узел, на носу очки в тонкой оправе. Её взгляд был холодным, оценивающим, адвокатским.

И наконец, у двери стояла мисс Эвелин Крофт, управляющая, — женщина лет шестидесяти с лицом, хранившим следы былой красоты, и глазами, которые видели слишком многое, чтобы удивляться. Она была одета в строгое коричневое платье, на плечах шаль. Её поза была спокойной, но в глазах таилось напряжение.

Хардвик обвёл их взглядом и заговорил. Его голос прозвучал тихо, но отчётливо.

— Леди и джентльмены. Моё имя Элистер Хардвик, старший инспектор Скотланд-Ярда. Я понимаю, что вы пережили тяжёлое потрясение, и ценю вашу готовность сотрудничать. Но прежде чем мы начнём, я должен сказать вам одну вещь.

Он сделал паузу.

— В этом доме произошло убийство. Не несчастный случай. Не ограбление. Убийство, тщательно подготовленное и обставленное как театральная постановка. Кто-то из тех, кто знал распорядок поместья, кто знал код от витрины, где хранился кинжал, и кто знал легенду о Сером Лорде, — этот кто-то хотел, чтобы мы все поверили в призрака. Но я в призраков не верю. Я верю в людей. В их мотивы, их страхи, их слабости. И я найду того, кто это сделал.

Он снова сделал паузу, и в комнате повисла звенящая тишина.

— А теперь я попрошу леди Блэквуд пройти со мной в библиотеку для первого разговора. Остальных прошу оставаться здесь. Констебль Патель будет с вами.

Диана медленно поднялась с кресла. Её лицо оставалось бесстрастным, но в глубине глаз мелькнуло что-то — не страх, а скорее усталая покорность судьбе, которая наконец настигла её после долгих лет ожидания. Она вышла из комнаты, и Хардвик последовал за ней, чувствуя спиной пять взглядов, в каждом из которых таилась своя тайна.

Дело началось. Лабиринт Дарквуд-Мэнор открывал свои двери, и где-то в его тёмных коридорах уже звучали шаги того, кто думал, что его ложь останется нераскрытой. Но Хардвик слышал не шаги. Он слышал белый шум — тот самый, который предшествует озарению. И он знал, что рано или поздно шум рассеется, и в тишине проступит истина.

Библиотека Дарквуд-Мэнор находилась в западном крыле, в стороне от Гобеленовой гостиной, и путь к ней пролегал через анфиладу комнат, каждая из которых могла бы служить декорацией к историческому фильму. Хардвик шёл чуть позади леди Дианы, стараясь ступать бесшумно, и наблюдал за ней.

Она двигалась с той особой грацией, которая свойственна женщинам, привыкшим носить вечерние платья и туфли на каблуках даже в собственном доме, — спина прямая, подбородок вздёрнут, руки неподвижно висят вдоль тела. Но в этой грации была какая-то механичность, словно тело выполняло заученные движения, в то время как мысли витали далеко.

Они миновали малую гостиную — комнату, обставленную в викторианском стиле, с камином из розового мрамора и коллекцией фарфоровых пастушек на каминной полке. Каждая фигурка была покрыта тонким слоем пыли, но расставлена строго симметрично, словно кто-то регулярно протирал их, но не решался сдвинуть с места. Хардвик отметил это машинально: порядок, поддерживаемый по инерции, без души. Как и весь этот дом.

На одной из пастушек была трещина — тонкая, почти незаметная, идущая от плеча до подола. Кто-то склеил её, но шов остался виден, если присмотреться. Хардвик задержался на мгновение, разглядывая фигурку. Интересно, кто её разбил? И кто склеил? Это могла быть метафора всей семьи Блэквудов: снаружи целые, внутри — треснувшие.

Затем они прошли через музыкальный салон — там стоял рояль с поднятой крышкой, на пюпитре лежали ноты, раскрытые на какой-то сонате Бетховена, но клавиши были покрыты зеленоватым налётом сырости.

Хардвик вспомнил, что Патель упоминал о финансовых трудностях семьи: отапливать весь дом было слишком дорого, и часть комнат, очевидно, не использовалась вовсе.

Музыкальный салон был одной из таких комнат — запертых, заброшенных, но сохраняющих видимость порядка. В углу стояла арфа, струны которой были покрыты паутиной, и Хардвику на мгновение показалось, что он слышит далёкий, призрачный аккорд, но это был всего лишь ветер, завывавший в печной трубе.

Он подумал о том, как странно устроена человеческая память. Она хранит не только события, но и звуки, запахи, прикосновения. Лора играла на фортепиано — не профессионально, но с чувством. Она говорила, что музыка помогает ей думать. «Как тебе твой белый шум», — смеялась она.

Теперь, проходя через музыкальный салон, он словно услышал отголосок её игры — не здесь, в этом доме, а где-то далеко, в их лондонской квартире, которая теперь принадлежала другим людям.

Наконец, леди Диана остановилась перед высокой дверью из морёного дуба, на которой висела латунная табличка с надписью «Библиотека». Она толкнула дверь и вошла первой, не оглядываясь, словно была уверена, что Хардвик следует за ней. Или, может быть, ей было всё равно.

Хардвик переступил порог и сразу ощутил перемену в атмосфере. Если остальные комнаты Дарквуда хранили следы запустения, то библиотека выглядела так, словно её покинули только вчера. Здесь всё было ухожено: книжные шкафы от пола до потолка сияли тёмным лаком, кожаные кресла были протёрты до мягкого блеска, а на столе красного дерева стояла лампа с зелёным абажуром, чей свет отбрасывал на стены уютный круг.

Пахло старой бумагой, переплётным клеем и увядшей лавандой из саше, разложенных на полках.

Но Хардвик заметил и другое: некоторые книги на полках стояли неровно, словно их недавно вынимали и ставили обратно в спешке. На ковре перед одним из шкафов виднелся свежий след — прямоугольный отпечаток, какой оставляет коробка или папка, долго стоявшая на одном месте.

А на столе, рядом с лампой, лежал блокнот с кожаной обложкой, раскрытый на середине. Хардвик не мог прочитать написанное с того места, где стоял, но он заметил, что почерк был мужским — размашистым, с сильным нажимом.

Над камином висел портрет мужчины лет сорока пяти — те же черты, что у сэра Реджинальда, но моложе, резче, с более агрессивным выражением лица. Мужчина на портрете сжимал в руке книгу, но его пальцы были сомкнуты на ней так, словно он собирался швырнуть её в зрителя.

Художник, очевидно, обладал талантом передавать характер: от этого человека веяло холодом, властностью и скрытой угрозой. Внизу, на золочёной рамке, была прибита табличка: «Сэр Реджинальд Блэквуд, 12-й баронет Дарквудский. 1982–2024».

— Это ваш муж? — спросил Хардвик, указывая на портрет.

Диана даже не обернулась. Она прошла к камину и села в кресло — то самое, что стояло справа от каминной решётки, — словно это было её законное место, определённое годами привычки. Кресло было обито тёмно-зелёным бархатом, который за десятилетия протёрся до основы, но всё ещё хранил следы былой роскоши.

Диана села и сложила руки на коленях, и в этом движении было столько достоинства, что Хардвик на мгновение почувствовал себя незванным гостем.

— Это парадный портрет, — ответила она, и её голос прозвучал ровно, без единой трещины. — Заказан к двадцатилетию нашего брака. Художник из Лондона, модный. Реджинальд позировал ему три сеанса, а потом сказал, что получилось слишком мягко. Потребовал переписать глаза — сделать их «более пронзительными».

— И художник согласился?

— Разумеется. Ему заплатили вдвое против оговорённого. — Диана слабо усмехнулась. — Деньги всегда были главным аргументом моего мужа. Он говорил, что у каждого человека есть цена, нужно только найти её.

— И какова была ваша цена?

Она подняла на него глаза, и в них мелькнуло что-то — не обида, а скорее удивление. Она не ожидала такого прямого вопроса.

— Моя цена, инспектор, была слишком высокой. Или слишком низкой — смотря как посмотреть. Я продала себя за иллюзию безопасности. За этот дом, за имя, за возможность не думать о завтрашнем дне. Думаете, это много?

— Думаю, это очень мало, — ответил Хардвик, садясь в кресло напротив. — Но я здесь не для того, чтобы судить вас. Я здесь, чтобы понять, что случилось сегодня утром.

Диана кивнула. Её пальцы, сжимавшие платок, чуть расслабились.

— Тогда спрашивайте.

Хардвик достал диктофон и блокнот. Положил диктофон на стол между ними, но не включил его сразу. Он знал, что этот жест — демонстративное размещение записывающего устройства — часто заставляет свидетелей нервничать, даже если они уверены в своём самообладании.

— Леди Блэквуд, — начал он, — где вы находились сегодня утром между шестью и семью часами?

Диана ответила не сразу. Она смотрела на диктофон, и Хардвику показалось, что она взвешивает каждое слово, прежде чем произнести его.

— Я была в своей спальне. Одна. Я проснулась в пять, как обычно. Выпила чаю — мисс Крофт приносит его ровно в пять пятнадцать. Она всегда приносит его в одно и то же время, с тех пор как я вышла замуж.

Сорок три года. Сорок три года она приносит мне чай, и ни разу не опоздала. Это единственное, что в этом доме работало без сбоев.

— Что вы делали после чая?

— Читала. Я всегда читаю по утрам. Это моя привычка — час тишины перед тем, как дом проснётся. Вчера я читала «Джейн Эйр». Перечитываю в третий раз. Мне кажется, я нахожу в этой книге что-то новое с каждым прочтением. Возможно, потому что сама меняюсь.

— И что же вы находите сейчас?

Диана слабо улыбнулась — впервые за всё время их знакомства. Улыбка была едва заметной, но она изменила её лицо, сделав его моложе и мягче.

— Раньше я думала, что Джейн Эйр — это история о любви. Теперь я понимаю, что это история о достоинстве. О том, как сохранить себя, когда весь мир пытается тебя сломать. Джейн отказывается стать любовницей мистера Рочестера не потому, что не любит его, а потому, что любит себя больше. Это очень важный урок, инспектор. Жаль, что я усвоила его слишком поздно.

Хардвик записал в блокнот: «Диана — достоинство, самосохранение, сожаление». Он чувствовал, что за этими словами кроется нечто большее, чем просто беседа о книге. Эта женщина говорила о себе, но делала это так осторожно, что каждое слово приходилось расшифровывать.

— Вернёмся к утру, — продолжил он. — Вы сказали, что читали. Что-нибудь слышали? Шаги, голоса, шум борьбы?

— В шесть я услышала шаги в коридоре — это был Эдвард. Я узнаю его походку, он слегка привлекает левую ногу — следствие старой травмы. Он упал с лошади, когда ему было двенадцать, и с тех пор хромает. Я хотела выйти, спросить, куда он идёт в такую рань, но не стала. Эдвард не любит, когда его спрашивают. Он вообще не любит разговоров.

— Почему?

— Потому что отец научил его, что любое слово может быть использовано против него. Реджинальд был мастером этого. Он мог выслушать человека, а потом, спустя годы, использовать сказанное как оружие. Эдвард научился молчать. Мы все научились. В этом доме слова были опаснее поступков.

— Что было потом?

— В шесть тридцать или около того я снова услышала шаги, на этот раз более лёгкие, женские.

Я подумала, что это Изольда — она ходит быстро и тихо. Или, возможно, мисс Крофт. Я не вышла. Я продолжала читать. А в шесть сорок пять я услышала крик.

— Крик горничной?

— Да. Это был такой крик, который невозможно спутать ни с чем. Крик ужаса. Я выронила книгу и выбежала в коридор. В холле уже была мисс Крофт — она, кажется, прибежала из кухни, — и Генри, который спускался по лестнице. Потом пришёл Эдвард, бледный, как полотно, и Изольда. Мы стояли и смотрели друг на друга, не зная, что делать. Горничная рыдала на ступенях, и мисс Крофт пыталась её успокоить.

— Вы заходили в Комнату призраков?

— Нет. — Диана покачала головой. — Я не могла. Я знала, что там мой муж, и я знала, что он мёртв. Я не хотела видеть его таким. Я не хотела запомнить его таким.

— Каким «таким»?

— Убитым. Беспомощным. — Она замялась, подбирая слова. — Мой муж был тираном, но он был сильным тираном. Видеть его сломленным... это было бы невыносимо. Не потому, что я его любила. Потому, что это разрушило бы последнюю иллюзию — иллюзию того, что он непобедим. А если он непобедим, значит, я не могла ничего сделать. Понимаете?

Хардвик понимал. Эта женщина жила в тени монстра так долго, что сама стала частью его мифологии. Признать его слабость значило бы признать свою собственную неспособность к сопротивлению. А это было слишком больно.

— Леди Блэквуд, — произнёс он, откладывая блокнот и подаваясь вперёд, — я должен задать вам вопрос, который может показаться жестоким. Но я обязан его задать. Ваш муж был убит. Жестоко, в собственном доме, человеком, который знал и код от витрины, и легенду о Сером Лорде, и распорядок поместья. Это кто-то из своих. Вы понимаете это?

Диана не вздрогнула, но её пальцы, лежащие на коленях, чуть сильнее сжали платок.

— Понимаю.

— Тогда вы должны понимать и другое: я обязан проверить каждого, включая вас. И чем больше вы будете уклоняться, тем дольше убийца будет оставаться на свободе. Возможно, в этом самом доме. Возможно, в соседней комнате. Вы хотите, чтобы ваши дети оставались в опасности?

Это был рискованный ход — давить на материнский инстинкт, — но Хардвик чувствовал, что Диана не из тех женщин, которые ломаются под прямым напором. Ей нужен был стимул, чтобы начать говорить. И стимул этот, как он предположил, заключался в детях.

Диана опустила глаза и долго молчала. Часы на каминной полке отсчитали десять ударов, прежде чем она заговорила снова. Молчание было долгим, и Хардвик уже начал думать, что она вообще не ответит.

— Вы правы, инспектор. Я уклоняюсь. Потому что правда... она сложнее, чем вы думаете. Мой муж не был хорошим человеком. Он был жестоким, властным, он годами третировал меня и детей. Но он был моим мужем. И я не знаю, кто его убил. Если бы знала... — Она осеклась и прижала платок к губам.

Хардвик ждал. Он знал, что после такого признания часто следует самое важное.

— Я скажу вам то, что не говорила никому, — продолжила Диана, и её голос стал тише, словно она боялась, что стены подслушивают. — Сегодня утром, около шести тридцати, я спустилась в подвал. Не в часовню — это была ложь, и вы, я полагаю, её распознали. Я спускалась в подвал, где находится старая котельная. Там есть печь. Я сожгла дневник Реджинальда.

— Зачем?

— Потому что он просил меня об этом. За несколько дней до смерти он сказал: «Если со мной что-то случится, сожги мой дневник. Там то, что не должно попасть в чужие руки». Я не спрашивала, что именно. Я привыкла не задавать вопросов. Я просто сделала, как он велел.

— Вы читали дневник перед тем, как сжечь?

— Нет. — Диана подняла глаза, и в них мелькнула тень прежней гордости. — Я никогда не читала его дневников. Я не хотела знать. Я знала достаточно, чтобы жить в страхе. Знать больше — значило бы жить в аду.

Хардвик обдумал её слова. Они звучали правдоподобно, но в них был изъян: если она не читала дневник, то откуда знала, что он опасен? И зачем Реджинальду понадобилось просить жену об уничтожении улики? Он чувствовал угрозу? От кого?

— Ваш муж просил вас сжечь дневник, — медленно проговорил Хардвик. — Это значит, он знал, что ему угрожает опасность. Он говорил вам, от кого именно?

— Нет. Реджинальд никогда не делился со мной своими страхами. Он считал это слабостью. Но в последние недели он был... другим. Более напряжённым. Он стал запирается в библиотеке на целые дни. Он перестал принимать посетителей. Он даже отказался от запланированной поездки в Лондон — а он никогда не отказывался от Лондона.

— Вы знаете, с кем он общался в последние дни?

— Я слышала один телефонный разговор. Это было три дня назад. Он говорил тихо, но я стояла за дверью — не подслушивала, просто оказалась там случайно, — и слышала обрывки фраз. Он сказал: «Нет, я не передумал. Всё остаётся в силе. В шесть утра, Комната призраков». И потом: «Да, я знаю, что она опасна. Но у меня нет выбора».

— «Она»? — переспросил Хардвик. — Он говорил о женщине?

— Да. Я уверена. Он сказал «она». И ещё он упомянул красный шарф. Я не поняла контекста, но фраза была: «Пусть наденет свой красный шарф, если хочет драмы».

Хардвик замер. Красный шарф. Лора всегда носила красный шарф.

— Вы уверены, что он сказал именно это?

— Абсолютно. Я запомнила, потому что это было так странно. При чём здесь шарф?

Хардвик не ответил. Он думал о том, что красный шарф был любимым аксессуаром Лоры. Она носила его почти постоянно — летом, зимой, в дождь и в солнце. Она говорила, что это её талисман. И если Реджинальд упоминал красный шарф в разговоре с кем-то, это могло означать только одно: он говорил о Лоре. Или о ком-то, кто выдавал себя за неё.

— Леди Блэквуд, — произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально, — вы скажете, что видели женщину с красным шарфом накануне убийства. Вы можете описать её подробнее?

Диана задумалась.

— Это было вечером, около десяти. Я выглянула в окно спальни и увидела чёрный автомобиль, припаркованный у чёрного хода. Из него вышла женщина в длинном плаще и с красным шарфом на голове. Она была невысокой, но двигалась уверенно. Я не видела лица — было темно, и свет от фонаря падал так, что она оставалась в тени. Но я заметила, что она прихрамывала. Слегка, почти незаметно, но всё же.

— Прихрамывала?

— Да. На левую ногу. Как будто у неё была старая травма.

Хардвик записал это в блокнот. Лора никогда не хромала. Но Виктория Хейз, её сестра-близнец, могла хромать — он не знал этого наверняка, но это была зацепка.

— Что было потом?

— Она вошла через чёрный ход. Я слышала, как открылась и закрылась дверь. Через час или около того она вышла и уехала. Я не видела, чтобы кто-то её провожал.

— Вы не спросили мужа, кто это был?

— Нет. Я не спрашивала. Я привыкла не задавать вопросы. — Диана горько усмехнулась. — Это было моё проклятие, инспектор. Я не задавала вопросы, даже когда знала, что ответ может уничтожить меня.

В библиотеке снова воцарилась тишина. Хардвик обдумывал услышанное. Картина начинала вырисовываться, но в ней не хватало ключевых деталей. Кто была эта женщина? Зачем она приходила? И как это связано с убийством?

— Леди Блэквуд, — сказал он наконец, — я хочу, чтобы вы вспомнили всё, что знаете о визитах Лоры Хейз. Четыре года назад. Почему она приезжала? С кем говорила? И что случилось потом?

Диана вздрогнула, услышав это имя. Её лицо побледнело ещё больше, и Хардвик заметил, как её пальцы снова сжали платок.

— Лора Хейз, — произнесла она тихо, словно пробуя имя на вкус. — Я помню её. Она была журналисткой. Очень настойчивой. Она приехала без предупреждения и сразу потребовала встречи с моим мужем. Он принял её в этой самой библиотеке. Они говорили несколько часов. Я слышала крики — он кричал, она тоже. Потом она вышла, очень бледная, и уехала. А через несколько дней я прочитала в газетах, что она погибла.

— Вы знали, что она расследовала деятельность фонда?

— Я догадывалась. Реджинальд был вне себя после её визита. Он сказал мне: «Эта журналистка слишком много знает. Она может всё разрушить». Я спросила, что он собирается делать. Он посмотрел на меня так, что мне стало страшно, и сказал: «Ничего. Я ничего не буду делать. Она сама всё разрушит».

— Что он имел в виду?

— Не знаю. Но через три дня она погибла.

Хардвик закрыл блокнот и поднялся. Допрос был окончен, но впереди было ещё много работы. Он знал, что Диана сказала ему не всё — возможно, она и сама не знала всей правды. Но она дала ему зацепки, которые могли привести к разгадке.

— Благодарю вас, леди Блэквуд, — произнёс он, направляясь к двери. — Вы очень помогли. Я попрошу вас оставаться в доме и никуда не уезжать без моего разрешения.

Диана кивнула. Когда Хардвик уже взялся за дверную ручку, она окликнула его:

— Инспектор. Я знаю, что вы думаете. Что я могла убить его. Что у меня были мотивы. И вы правы — мотивы были. Но я не убивала. Я не смогла бы. Не потому, что я добрая или слабая. А потому, что он был мне нужен.

— Нужен? — Хардвик обернулся. — Зачем?

— Чтобы напоминать мне о том, кем я стала, — тихо сказала Диана. — И кем я больше никогда не хочу быть.

Хардвик закрыл дверь и вышел в коридор. Там его уже ждал Патель с папкой в руках. Его лицо было взволнованным.

— Сэр, я запросил информацию по номеру, который вы мне дали. Тот самый, с которого звонили сэру Реджинальду накануне убийства.

— И что?

— Номер зарегистрирован на юридическую фирму в Лондоне. «Хейз и партнёры».

Хардвик застыл. Хейз. Фамилия Лоры.

— Кто владелец?

— Женщина. Имя — Виктория Хейз. Сестра Лоры Хейз. Вашей покойной жены, сэр.

Утренний свет, проникавший сквозь высокие окна галереи, померк в глазах Хардвика. Виктория Хейз. Сестра-близнец, которую он никогда не видел. Женщина, которая поклялась отомстить за смерть Лоры. Женщина, которая была здесь, в Дарквуд-Мэнор, накануне убийства.

— Патель, — сказал он, стараясь сохранять спокойствие, — немедленно найдите мне адрес и телефон Виктории Хейз. И запросите записи камер наблюдения на дорогах вокруг поместья. Все чёрные автомобили за последние сорок восемь часов.

Констебль кивнул и поспешил выполнять приказ. Хардвик остался стоять в галерее, глядя на портреты Блэквудов, которые смотрели на него со стен. Их лица были холодны и непроницаемы, как маски. И он понял, что каждый из них хранит свою тайну, которую ещё предстоит раскрыть.

Глава 3. Анатомия лжи

Генри шёл по коридору быстро, почти бежал, и его шаги гулким эхом отдавались от каменных стен восточного крыла. Хардвик следовал за ним, стараясь не отставать, но одновременно фиксируя каждую деталь пути. Восточное крыло разительно отличалось от парадной части дома. Здесь не было портретов — только голые стены с облупившейся краской, кое-где тронутой плесенью. Лампы горели через одну, и длинный коридор тонул в полумраке, прерываемом редкими островками жёлтого света.

Пахло сыростью, старой штукатуркой и ещё чем-то — каким-то химическим запахом, который Хардвик не сразу распознал. Позже он понял: так пахнет проявитель для фотографий, который используют в тёмных комнатах, или флюс для пайки электроники. Запах работы, запах творчества — или запах одержимости.

Они миновали запертую дверь с табличкой «Гувернантка». Хардвик на мгновение задержался, заметив, что краска на табличке была свежее, чем на остальных. Кто-то недавно обновлял надпись, или, возможно, дверь красили заново. Он потрогал ручку — заперто. Из-под двери тянуло холодом, как будто комнату не отапливали годами.

— Что здесь? — спросил он.

Генри обернулся на ходу.

— Старая комната гувернантки. Ею не пользуются уже много лет. С тех пор, как... — Он осёкся, и на его лице мелькнуло что-то похожее на страх. — С тех пор, как отец сказал, что она проклята.

— Проклята?

— Да. Он говорил, что там является призрак Серого Лорда. Но это ерунда, конечно. Просто комната.

Хардвик не стал спорить, но отметил про себя: запертая комната, легенда о призраке, страх в глазах Генри. Всё это было частью пазла, который ещё предстояло собрать. Он записал в блокнот: «Комната гувернантки — почему заперта? Проверить».

Они поднялись по узкой винтовой лестнице, ступени которой были стёрты до блеска поколениями ног.

Лестница вела в мансарду — когда-то здесь были комнаты для прислуги, но теперь всё пространство занимала студия Генри. Хардвик переступил порог и остановился, оглядываясь.

Студия была миром иным. Если остальной дом дышал прошлым, то здесь царил будущее — или, по крайней мере, настоящее. Стены были обиты звукопоглощающими поролоновыми панелями, которые придавали комнате сходство с внутренностью студии звукозаписи.

Два огромных монитора стояли на длинном столе, а рядом с ними — профессиональное оборудование для видеомонтажа: микшер, клавиатура с подсветкой, несколько внешних жёстких дисков, аккуратно расставленных по ранжиру. В углу, на штативе, стояла камера — дорогая модель, которую Хардвик видел у профессиональных операторов.

Над столом висела полка с книгами — в основном по истории искусств и монтажу, — и несколько наград, которые Генри, видимо, получил за свои видео.

Единственным напоминанием о прошлом был слуховой экран с частым переплётком, сквозь которое в комнату просачивался серый утренний свет. Но даже он был модернизирован: на окне висела плотная штора, которая могла полностью затемнить помещение, превращая его в кинозал.

— Впечатляет, — заметил Хардвик, и это было искренне.

— Это моё убежище, — ответил Генри, закрывая дверь. — Единственное место в доме, где я чувствую себя... собой. Здесь меня никто не слышит. И никто не может войти без моего разрешения.

— Кроме того, кто взломал ваш ноутбук.

Генри вздрогнул, но ничего не ответил. Он подошёл к столу и включил один из мониторов. Экран засветился, и на нём появилась папка с файлами — видео, датированные последними месяцами. Генри нашёл нужный файл и нажал пробел.

— Смотрите, — сказал он, отходя в сторону. — И слушайте внимательно.

На экране появилось лицо сэра Реджинальда Блэквуда. Это было не то лицо, что Хардвик видел на портрете в библиотеке — застывшее, надменное, с холодными глазами, — и не та бледная маска с гримом, что лежала сейчас на полу Комнаты призраков. Это было лицо живого человека. Подвижное, выразительное, с горящими глазами и лёгкой усмешкой, игравшей в уголках рта. Он сидел в библиотеке, в том самом кресле у камина, где час назад сидела его вдова, и держал в руке бокал с виски.

Лёд позвякивал о стекло при каждом движении, и этот звук — чистый, хрустальный — был единственным, что нарушало тишину студии.

Камера была установлена статично, но оператор — сам Генри, как понял Хардвик, — иногда слегка менял угол, наклоняя её, чтобы захватить жесты отца. И жесты эти были красноречивы. Реджинальд то раскрывал ладонь, словно предлагая невидимый дар, то сжимал её в кулак, иллюстрируя угрозу. Его лицо то расплывалось в улыбке, то становилось холодным и расчётливым, как у хищника, оценивающего добычу.

— Он не знал, что я записываю, — тихо сказал Генри, стоя у окна и глядя в серое небо. — Я сказал ему, что хочу сделать документальный фильм для архива семьи. Что-то вроде устной истории Блэквудов. Он клянул. Тщеславие было его ахиллесовой пятой. Ему льстило, что кто-то хочет сохранить его слова для потомков.

Запись продолжалась. Реджинальд отпил виски и начал говорить — сначала о пустяках: о семейных традициях, о благотворительности, о том, как важно сохранять наследие предков. Его голос был бархатным, хорошо поставленным — голос человека, привыкшего к публичным выступлениям, к тому, что его слушают и внимают.

Он говорил о важности служения обществу, о том, что Блэквуды всегда были столпами местного сообщества, о долге аристократии перед простыми людьми. Всё это звучало так гладко, так безупречно, что Хардвик невольно восхитился — не содержанием, а формой. Человек на экране был прирождённым оратором.

Но постепенно темы становились всё более личными, а интонации — всё более жестокими. Как будто виски развязывало язык, снимало защитные барьеры, и сквозь маску филантропа начинал проступать кто-то иной. Кто-то, кто наслаждался властью не ради власти, а ради самого процесса подчинения.

«...понимаешь, Генри, благотворительность — это не про деньги. Это про власть. Ты даёшь людям надежду, и они становятся твоими. Они отдадут тебе всё. Детей, репутацию, будущее. Особенно если они провинились. А провиниться можно по-разному...»

Реджинальд сделал ещё глоток и продолжил, уже более расслабленно, словно беседа доставляла ему искреннее удовольствие:

«Взять, к примеру, миссис Грейвз. Ты её не помнишь — она была бухгалтером фонда лет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.